

С наступлением ночи улицы Сычуани ожили и наполнились пиршествами и весельем, а освещенные фонарями дома стали такими яркими и красочными, как во сне. Дуань Лин давно не видел ничего подобного.

— Чего ты хотел бы поесть?

— Я ем все.

Дуань Лин спросил:

— А где твой друг?

— Об этом поговорим позже. Мы пойдем к ним после того, как поедем.

Дуань Лину хотелось вонтонов. Они прогуливались по шумным улицам, и У Ду следил за тем, чтобы толпа не теснила Дуань Лина, пока они добирались до лавки с вонтонами.

Время от времени прохожие бросали взгляд на У Ду, отмечая его стройную фигуру, идущую впереди молодого человека с тонкими чертами лица, Дуань Лин был так хорошо одет, что в итоге У Ду выглядел как слуга. Вдвоем они ели вонтоны у стойки, но мысли У Ду сегодня все время были заняты чем-то другим.

А вот Дуань Лин был весьма доволен.

— О чем ты думаешь?

У Ду, как будто вынырнув из своих мыслей, ответил:

— Ни о чем.

Видя, что тот не желает ничего рассказывать, Дуань Лин не стал настаивать. У Ду еще немного подумал и в конце концов решил объяснить:

— Когда я пойду на встречу с тем другом, тебе не обязательно показывать свое лицо, это избавит нас от некоторых проблем. Можешь идти и развлекаться в одиночестве. Я все объясню, как только закончу.

Дуань Лин кивнул, и, посмотрев на У Ду с выражением скепсиса на лице, вдруг заулыбался.

— Какие ужасные вещи ты сейчас придумываешь про меня? — прищурился У Ду.

Дуань Лин догадался, что У Ду не хотел больше оставаться в поместье канцлера и собирался встретиться с «другом», у которого дела шли лучше, чем у него самого, чтобы попытаться найти другую работу. Было приятно видеть, как он понемногу брал себя в руки, и Дуань Лин был рад за него.

— Полагаю, нет ничего плохого в том, чтобы рассказать тебе. Этот человек несколько раз пытался встретиться со мной. До этого я не очень хотел с ним разговаривать, но теперь думаю, что мне действительно стоит найти какую-нибудь работу.

Дуань Лин задумчиво хмыкнул, испытывая смешанные чувства в отношении такого развития событий. Их с У Ду нити судьбы, похоже, были переплетены, и он чувствовал, что между ними есть какая-то любопытная связь. Например, когда Му Куанда признал заслуги Дуань Лина, положение У Ду тоже поднялось. На днях Му Куанда сказал, что хотел, чтобы У Ду охранял за ним дверь.

Не всякий мог охранять дверь канцлера. Чан Люцзюнь был единственным, кому положено стоять на страже у его дверей, и это было одним из способов обозначить свое положение.

Но У Ду — человек более простой, и он не смог бы понять подтекст, заключенный между строк, которые произнес ученый, так, как это удалось понять Дуань Лину.

Он много раз думал о том, что непременно сделает У Ду личным телохранителем, даст ему высокий ранг и хорошее жалование, если он когда-нибудь вернет себе все, что ему принадлежит, но если У Ду покинет поместье канцлера, то и планы Дуань Лина изменятся. Однако действительно ли он снова поменяет место жительства? Ведь у У Ду уже третий хозяин. Еще одна перемена не обязательно приведет его к лучшему положению, чем то, в котором он находился сейчас.

Судя по выражению лица У Ду, он, похоже, тоже сомневался.

— Пойдем.

Он наконец принял решение и встал вместе с Дуань Лином. Когда они шли по аллее, Дуань Лин с любопытством останавливался у уличных артистов, и, когда У Ду понимал, что тот пропал, он нетерпеливо возвращался и оттаскивал его назад.

— Господин...

— О, господин...

Перед ними стояло удивительно красивое здание, и как только они переступили порог, их встретили молодые женщины с ярким макияжем. Дуань Лин в испуге воскликнул:

— Что вы делаете?

Он отступил на несколько шагов и, подняв голову, увидел, что на табличке над их головами было написано «Цветочный павильон», причем написано императором сто лет назад; на лице Дуань Лина сразу же проявилось смущение.

— Иди внутрь, — сказал ему У Ду.

Женщины с любопытством рассматривали У Ду и Дуань Лина. Для них Дуань Лин выглядел как сын из богатой семьи, а У Ду — как слуга, но Дуань Лин, похоже, не желал бросать вызов У Ду — отношения между этими двумя выглядели довольно своеобразно.

— Я... Я лучше не пойду. Я подожду тебя снаружи.

Не выдержав, У Ду схватил его за воротник и потащил вверх по лестнице. Дуань Лин сразу же произнес:

— Я сам дойду! Это новая одежда, не рви ее!

Только после этого У Ду отпустил его и остановился, чтобы спросить у молодой женщины:

— Гость, заказавший комнату «Небо»*, уже прибыл?

* В старые времена номера не нумеровались, а располагались в «алфавитном» порядке в соответствии с Тысячесловием. Первая строка — «темное небо-желтая земля», но на самом деле символы идут в порядке небо-земля-черное-желтое. Назвать комнату «Небо» — все равно, что сказать «Номер 1» в наше время. Первыми шли комнаты наивысшего качества, поэтому номер «Небо» — лучший в доме, а здесь это звучит так, будто он единственный такого уровня, потому что У Ду не сказал «комната «Небо» номер один», а просто «комната «Небо».

— Еще нет.

Девушка отвесила У Ду легкий поклон.

— Сюда, пожалуйста, господин.

— Позаботьтесь об этом молодом человеке, — сказал У Ду, — отведите его в комнату напротив.

Дуань Лин следовал за У Ду как тень, но теперь тот обратил на него свое внимание, разглядывая с ног до головы.

— Чего это ты ходишь за мной по пятам? Иди давай. Мне нужно учить тебя, чем ты должен заниматься в борделе?

— Нет-нет.

Дуань Лин сразу же отмахнулся от этой идеи, и все девушки вокруг него захихикали. Его лицо мгновенно стало ярко-красным, а У Ду развернулся и посмотрел на Дуань Лина с ледяным выражением лица.

— О чем мы договаривались раньше? — сказал У Ду.

— Тогда я... я пойду туда и что-нибудь поем. Дай мне знать, когда закончишь.

— Заказывай, что хочешь. Платим не мы.

Обслуживание здесь было на высшем уровне, и как только Дуань Лин зашел в комнату, за ним устремилась толпа девушек. Не зная, что по правилам он должен был познакомиться со всеми, прежде чем выбрать ту, которая ему нужна, Дуань Лин просто думал, что все они здесь, чтобы обслуживать его, и сказал:

— Вы все можете идти. Обо мне не беспокойтесь.

Может, Калиновый двор и был борделем, но, учитывая личность Дуань Лина, никто не смел рядом с ним распускать руки, поэтому он никогда не сталкивался с подобным. Девушки обменялись взглядами друг с другом. Они уже не раз сталкивались с гостями, желающими посетить бордель и притвориться тихонями, так что они были достаточно опытны в обращении с подобными людьми. Одна из них подошла к нему.

— Молодой господин.

— Все в порядке, — простонал Дуань Лин, — Пожалуйста. Пожалуйста... Я серьезно.

Не то чтобы он никогда раньше не задумывался о любви: если подумать, его старые друзья, с которыми он раньше общался, такие как Бату и Хэлянь Бо... уже наверняка были женаты, кроме Цай Яня, которого, возможно, уже не было в живых. Когда-то он тоже хотел иметь семью, как его отец и мать.

Однако множество сложных факторов постоянно влияли на него. Его первое впечатление о сексуальных отношениях было сродни сну, который никогда не забудется, и мерцало в ленте его воспоминаний. Ночная встреча Лан Цзюнься и Дин Чжи нанесла ему такой удар, что он никогда не думал о борделях положительно, даже сейчас.

И после этого Дуань Лин всегда относился к девушкам Калины как подобает благородному мужу, как это делал его отец. Все они были несчастными душами, потерявшими родину, лишившимися дома. Как он мог относиться к ним так, как относился Елюй Даши?

Сейчас он понимал, что его сердце почему-то никогда ни за кого не болело. В жизни было так много всего, что, по мнению Дуань Лина, не было ему подвластно.

Он сидел, склонившись, на кушетке. Девушки некоторое время наблюдали за ним, и Дуань Лин отмахивался от них, искренне говоря:

— Пожалуйста, уходите. Позвольте мне немного отдохнуть в одиночестве.

Одна из них отправилась на поиски госпожи, и та вскоре появилась.

— Молодой господин, девушки пришли просто посидеть с вами, пока вы пьете.

— Не нужно. Цена может остаться прежней, сколько бы вы ни попросили. Просто отдайте счет мужчине из соседней комнаты.

К госпоже, казалось, пришло какое-то осознание, но она не высказала его вслух. Однако она не могла просто пренебречь гостем, поэтому сказала ему:

— Тогда позвольте мне позвать исполнителя на цине, чтобы он следовал вашим пожеланиям, господин.

Ну что ж, это, пожалуй, хорошо, подумал Дуань Лин, и госпожа ушла, чтобы за кем-то послать. Вскоре в комнату зашел мальчик-проститутка*.

* Наверное, где-то от тринадцати до семнадцати лет.

Дуань Лин потерял дар речи.

У мальчика были тонкие, миловидные черты лица, и он был очень нежным. Он подошел и сел рядом с Дуань Лином.

— Хотите массаж, господин?

Дуань Лин отмахнулся от него.

— Ты тоже можешь идти. Все в порядке.

Юноша на мгновение растерялся, и Дуань Лин пришел к мысли: ну, раз он уже здесь, я могу пока оставить его, и передумал.

— Не бери в голову, просто побудь пока здесь и не позволяй никому входить.

И вот мальчик остался сидеть, налил чашу вина и поднес ее к губам Дуань Лина. Но тот сказал ему:

— Я не пью.

Дуань Лин боялся и говорить во сне, и сморозить что-то странное, за что его могут убить, если он напьется, и поэтому он вообще не притрагивался к вину. В ответ мальчику осталось лишь подцепить палочками немного еды и накормить ею Дуань Лина. Тот чувствовал себя довольно противно, но отмахнуться от мальчика он не мог — в конце концов, они оба были несчастными душами, поэтому он просто кивнул и немного похвалил его.

— Ты очень красив.

— Вы тоже очень красивы, господин, — сказал мальчик, улыбаясь.

— Красивые люди, — похоже, прозрел Дуань Лин, — всегда в выигрыше, и когда они смотрят на мир, он кажется им более благополучным. Это потому, что большинство обычных людей при их виде озаряются улыбкой.

Мальчик никогда не думал, что Дуань Лин вдруг выдаст такой комментарий о жизни, и ему осталось только неловко улыбнуться в ответ.

— Просто сиди здесь. Не беспокойся обо мне.

Говоря это, Дуань Лин указал на другой конец кушетки, и юноше ничего не оставалось, как сесть туда и довольствоваться этим.

Дуань Лин добавил:

— Тебе не будут платить меньше. Просто представь, что у тебя перерыв.

Мальчик сидел так некоторое время; он не ожидал, что аура Дуань Лина окажется настолько подавляющей, что он ничего не сможет сделать, чтобы сдвинуть его с места. Прошло мгновение, и он спросил:

— Что бы вы хотели отведать, господин? Я пойду на кухню и прикажу приготовить вам что-

нибудь.

— Вонтоны, — ответил Дуань Лин. — Я только что их поел. Неплохо было бы отведать фруктов.

Мальчик поклонился и вышел из комнаты. Снаружи госпожа задала ему несколько вопросов, и Дуань Лин услышал «я не понравился», прежде чем мальчик ушел. Слава небесам, подумал Дуань Лин, лучше бы они оставили меня в покое.

Откинувшись на спинку кушетки, он заметил виноград, и, поскольку увидеть его удавалось довольно редко, вкусил несколько штук: виноградинки были кисло-сладкими, и чем больше он их ел, тем больше они ему нравились, поэтому он перетащил весь поднос к себе на колени и начал поглощать их, на полном серьезе размышляя о том, что ему пора жениться. Обычно на него сваливалось столько дел, что он едва успевал их обдумывать, но сейчас у него была возможность не спеша все переварить — например, «брачный союз», о котором он услышал вчера из разговора Му Куанды и Чан Пина.

Шестого числа двенадцатого месяца этого года ему исполнится шестнадцать. Если отец в это время был бы рядом, он обязательно подобрал бы ему невесту, но он никогда не думал об этом раньше: все это звучало так отдаленно. Неужели ему придется заключить брачный союз с одной из знатных семей, как тому «наследному принцу»? Всякий раз, когда наступала весна, внутри него жило желание, ищущее выхода, но почему-то казалось, что он больше не испытывал никаких чувств по отношению к любовным отношениям.

Если подумать, когда это началось? Скорее всего, после того как он приехал в Сычуань, с того самого момента, как Лан Цзюнься отравил его. Голос Дуань Лина был все еще немного хриплым, и он еще не до конца оправился. На какой девушке он хотел бы жениться? Каким будет его ребенок?

Дуань Лин не думал, что сможет стать хорошим отцом. Он еще был не готов. Если он не сможет дать ребенку счастья, то лучше его вообще не будет. Его собственная жизнь и так висела на волоске, так как же он мог обременять своих детей? Но если подумать, его отец тоже был скитальцем, причем настолько, что Дуань Лин даже не видел его до тех пор, пока не прошло целых тринадцать лет после его рождения... Вспоминая прошлое, он пришел к выводу, что все равно любит его.

Но он и сам достаточно натерпелся. О женитьбе он задумается только тогда, когда снова займет то место, на котором должен сидеть. Возможно, он никогда не сможет достичь этой цели... Даже если предки Великой Чэнь благословят, защитят его и помогут стать императором, со всеми этими междоусобицами и подковерными интригами в правительстве, быть его ребенком — не самая легкая жизнь.

Лучше быть простым человеком...

Мысли Дуань Лина разбегались по бесчисленным касательным, перетекающим в звуки музыки, доносящиеся из-за двери. В нее снова постучали, и на этот раз вошли, не дожидаясь

ответа.

— Глава попросила меня заглянуть к вам, молодой господин, — сказал глубокий и звучный мужской голос.

Новоприбывшим оказался высокий и широкоплечий парень крепкого телосложения, одетый в облегающую рубашку с короткими рукавами, распахнутую на груди. Держа в обеих руках по коробке с едой, он зашел в комнату и ногой захлопнул за собой дверь.

Дуань Лин немедленно выплюнул полный рот чая.

— Молодой господин?

Мускулистый мужчина тут же подошел к нему, похлопал по спине и попытался накормить виноградом.

— Сиди здесь! — сразу же произнес Дуань Лин. — Не двигайся!

Крепкий и накачанный мужчина с кожей цвета меди и грубыми чертами лица излучал силу и обаяние бойца. Он одарил Дуань Лина довольно суровой улыбкой.

Тот почувствовал, что сейчас упадет в обморок* и уперся лбом в ладонь, совершенно потеряв дар речи.

* В оригинале фраза звучала так: «Сначала Будда родился, потом Будда вознесся», что означает просто «жил и умер» или «умер и жил». Это просто красивый способ сказать «чуть не упал в обморок» или «упал в обморок и снова очнулся».

Откуда они вообще достали этого человека? Конечно, он не мог быть проституттом из Цветочного павильона. Скорее всего, он был просто нанятым на подсобную работу крепким парнем, который теперь выполнял дополнительную роль.

— Молодой господин, вы так красивы. Почему бы мне не спеть вам песню?

Дуань Лин тут же ответил:

— Не нужно, дружище. Просто посиди здесь.

Мускулистый мужчина тактично кивнул и спросил:

— Откуда вы, молодой господин?

Дуань Лин даже не знал, что ему ответить.

— Глава Цветочного павильона потратила немалые деньги, чтобы я прислуживал вам, так что вы должны хотя бы приказать мне что-нибудь сделать. Сначала я не собирался приходить, но, увидев, какой вы красивый...

— Тогда выпей.

Дуань Лин подумал, а кому сейчас легко, поэтому взял вместо вина чашку чая и дал ему понять, что все, что ему нужно было сделать, — это выпить.

Мускулистый мужчина, казалось, был вполне доволен: он пил вино и ел мясо, а когда насытился, обратился к Дуань Лину:

— Спасибо за угощение, молодой господин. Раз уж я наелся, то давайте...

— Сиди здесь! — наконец Дуань Лин не выдержал.

Крепкий мужчина не мог ничего поделаться, кроме как сидеть и казаться послушным.

Не прошло и минуты, как в дверь постучали. Дуань Лин был уже совсем на грани срыва и проворчал:

— Ну кто на этот раз?

— Я, — сказал У Ду и распахнул дверь.

Когда он вошел, то увидел, что в конце комнаты сидел крепкий мужчина, и Дуань Лин и он смотрели друг на друга, похоже, зашедшие в тупик.

У Ду молча лицезрел происходящее, а Дуань Лин безмолвно смотрел в ответ.

— Что все это значит?

Выражение лица У Ду казалось просто изумленным.

Когда мускулистый мужчина собрался объясниться, Дуань Лин уперся лбом в ладонь. Чтобы не выдать себя, он сказал ему:

— Ступай, пожалуйста.

Тот наконец ушел, а У Ду и Дуань Лин остались в комнате. Дуань Лин пытливо уставился на него.

— Что ты здесь делаешь?

— О, из соседней комнаты пришли и сказали мне, — ответил У Ду, — что молодому господину не нравятся мужчины, не нравятся и женщины, поэтому у меня не осталось выбора, кроме как прийти обслужить тебя лично.

Дуань Лин разразился хохотом, а У Ду посмотрел на него с довольно смущенным выражением лица.

— Ты ведь не заразился тем же... тем же нежелательным недугом, что и Му Цин?

— А? — Дуань Лин выглядел совершенно безучастным. — Что за недуг?

— Забудь об этом.

У Ду не стал тянуть с объяснениями и присел на край кровати.

— Твой друг еще не пришел?

— Пока нет. Я посидел, подумал немного и решил, что мы можем просто уйти.

Теперь Дуань Лин понял: У Ду, вероятно, хотел принять решение сегодня вечером. Должен ли он покинуть поместье канцлера, чтобы найти другую работу, или ему следует остаться? Он надеялся, что У Ду не уйдет. Иначе положение Дуань Лина станет еще более шатким. Но тот должен сам принимать столь важное решение, а Дуань Лин не смел вмешиваться и делать выбор за него. Некоторое время они сидели молча: Дуань Лин перевернулся на бок и положил голову на ногу У Ду, а он сидел, уставившись в пустоту перед собой.

— Давай уйдем, — сказал У Ду, — пошли домой.

Дуань Лин мысленно вздохнул с облегчением. Похоже, У Ду решил остаться в поместье канцлера. Но тут кто-то снаружи произнес:

— Господин, ваши друзья уже здесь. Они за соседней дверью.

— Я пойду, встречу с ними ненадолго, — сказал Дуань Лину У Ду. — Можешь подождать здесь. Это не займет много времени.

Дуань Лин кивнул, а У Ду поднялся и вышел из комнаты.

В комнате «Небо» была приглушена лампа. У Ду распахнул дверь, и, как только он оказался внутри, кто-то за ним ее закрыл.

— Давно не виделись, У Ду. Пожалуйста, присаживайся.

Под тусклым светом лампы Лан Цзюнься сидел в стороне и наливал в чашу вино, а Цай Янь располагался на кушетке в центре комнаты и смотрел прямо на У Ду, улыбаясь и кивая.

— Приветствую вас, Ваше Высочество.

У Ду сделал шаг вперед и опустился на колени в воинском приветствии. Цай Янь сразу же подошел к нему, чтобы помочь подняться, и в тот момент, когда они соприкоснулись, У Ду поднялся и сделал полшага назад.

Цай Янь снова протянул руку, жестом предлагая ему сесть, но У Ду не сел. Он просто молча стоял на месте.

— Ты так торопишься? — холодным тоном произнес Лан Цзюнься.

У Ду сделал глубокий вдох и кивнул.

— Если Ваше Высочество хочет что-то сказать, пожалуйста, говорите.

— В последний раз мы разговаривали в Шанцзине, в Прославленном зале. Даже не верится, что годы пролетели как один миг. Я собирался назначить встречу с тобой на седьмое число, чтобы мы могли вместе выпить и почтить память моего отца, но, к сожалению, я не смогу найти время, и поэтому хотел увидеться с тобой сейчас, заранее.

— Я очень сожалею об этом старом проступке. Каждый из нас должен служить своему господину. У меня не было выбора.

— Каждый из вас должен служить своему господину, так что, естественно, я не виню тебя.

Цай Янь улыбнулся.

— У Ду, ты собираешься вести со мной весь разговор в таком положении?

Только после этого У Ду сел на свое место.

— Эта чаша вина — благодарность за то, что ты вернул тело моего отца.

Цай Янь подождал, пока Лан Цзюнься поставит чашу с вином перед У Ду, и только потом поднял свою.

У Ду взял чашу и посмотрел на нее. Какими бы смелыми они ни были, они не пойдут на отравление в присутствии мастера ядов. Таким образом, втроем они осушили свои чаши.

— Причина, по которой я не заходил к тебе все это время, — заговорил Цай Янь, — не в том, что я не хотел. А потому, что не мог.

Долго размышляя, У Ду взглянул на Лан Цзюнься, а затем перевел взгляд на наследного принца Ли Жуна.

Цай Янь продолжил:

— Только двое присягнули на верность моему отцу. Один из них — Улохоу Му, а второй — ты. Первое, что я хотел сделать, вернувшись к императорскому двору, — пригласить тебя во дворец. Однако со мной уже был Улохоу Му, так что даже если бы я принял на службу и тебя, это было бы лишь пустой тратой твоих талантов, поэтому я принял другие меры. Уверен, ты понимаешь все причины, по которым это произошло, поэтому я больше не буду поднимать эту тему.

У Ду слегка вздрогнул, а затем, словно что-то осознав, сузил глаза.

Тем временем Лан Цзюнься спокойно наблюдал за чашкой вина, стоявшей перед ним. Он хранил молчание.

— Канцлер Му представил меморандум о переносе столицы на утреннем заседании придворного собрания, и я подумал, что не могу больше медлить. Прийти к тебе сегодня вечером — рискованное мероприятие с нашей стороны, но с началом переноса столицы неизбежно произойдут кадровые изменения. Если я не предупрежу тебя заранее, это будет еще сложнее из-за того, что потом мы окажемся под ударом.

Цай Янь с нетерпением наблюдал за У Ду, словно надеясь, что он как-то отреагирует, но Лан Цзюнься и У Ду были похожи на деревянные статуи, поставленные в комнате, и молчали каждый о своем.

— У Ду, какие у тебя мысли? — тепло спросил Цай Янь. — Нет ничего плохого в том, чтобы озвучить их.

У Ду испустил долгий, долгий вздох.

— В тот день, когда Ваше Высочество впали в ярость и обвинили меня в неспособности защитить покойного императора, я подумал, что вы действительно хотите меня убить. Теперь, когда я думаю об этом, эта встреча разрешила то, что до сих пор терзало мое сердце.

Закончив говорить, У Ду подошел к Цай Яню, опустился на оба колена и поклонился. Тот тут же помог ему подняться, и на этот раз в его искренности никто не сомневался, ведь он поддерживал У Ду.

— Это я поступил с тобой несправедливо.

В глазах Цай Яня стояли слезы, они немного покраснели.

— Как только столица будет перенесена в Цзянчжоу, мне нужно будет создать новое подразделение императорской стражи. Я еще не придумал, как его назвать, но те, кто будет назначен в его ряды, должны быть доверенными людьми. После долгих размышлений я решил, что ты — единственный подходящий кандидат.

У Ду снова замолчал.

Цай Янь продолжил:

— Я рассчитываю, что это подразделение будет преобразовано из Теневой стражи Великой Чэнь в разведывательную службу, основной задачей которой будет шпионаж за внешними врагами и контроль за внутренними делами. Поскольку ты сейчас работаешь на канцлера Му, он точно не будет тебя подозревать.

Между бровей У Ду пролегла едва заметная морщинка, но Лан Цзюнься все это время наблюдал за выражением его лица.

— Ваше Высочество... — У Ду, похоже, крепко задумался.

— Ты не должен давать мне ответ прямо сейчас.

Цай Янь поднял руку, чтобы остановить его.

— У тебя будет достаточно времени, чтобы подумать об этом, когда вернешься. Я надеялся, что во время этой встречи смогу как-то отблагодарить тебя, но такие вещи, как деньги и драгоценности, могут только ухудшить твою безупречную преданность мне...

Когда он услышал это, глаза У Ду внезапно покраснели; когда Ли Цзяньхун погиб в бою, он ворвался в Шанцзин и отбил у врага тело императора У, но, когда вернулся к императорскому двору, Ли Яньцю в ярости арестовал его. Спустя несколько месяцев Улохоу Му проводил

обратно наследного принца, и тот хотел приговорить его к смертной казни. Именно Му Куанда написал прошение о помиловании, и только благодаря этому ему удалось сохранить жизнь.

Все это время его никто не понимал и не жалел. И только сегодня с него сняли цепи, произнеся эти слова — «непорочная верность».

—...Эта чаша вина — все, что я могу дать в подтверждение моего уважения к тебе.

Цай Янь предложил У Ду вторую чашу вина. Тот и на этот раз ничего не ответил и молча выпил его.

— Оно немного горчит, — произнес У Ду.

— Что?

Цай Янь выглядел застигнутым врасплох, а У Ду покачал головой и, улыбаясь, взглянул на его лицо. Тот терпеть не мог, когда на него смотрели, и ему сразу стало не по себе. В нужный момент Лан Цзюнься поднялся и поставил перед У Ду печать.

И вот внимание У Ду было обращено на печать.

Цай Янь сказал ему:

— Эту печать можно предъявить в четырех частных банках Тунбао, Чанлун, Юньцзи, Цяньсин* и в любом из их филиалов, чтобы снять деньги, которые ты сможешь использовать при службе. Подпись не требуется, нужна только печать.

* Эти частные банки были не банками в том смысле, в каком мы понимаем банки сегодня, а местами, где обменивали медяки и серебро на таэли или наоборот. Названия не являются названиями мест, и они не важны, просто звучат смутно и имеют отношение к процветанию, за исключением того, что «Тунбао» означает «обращающееся сокровище» и что Кайюань Тунбао было названием вида монет.

У Ду снова слегка вздрогнул, а затем, положив одну руку на колено, поднялся на ноги.

— Я не могу это принять, — произнес он. — Боюсь, я не оправдал больших надежд Вашего Высочества, возложенных на меня.

После этих слов в комнате воцарилась гнетущая атмосфера, и все трое замолчали. Прошло много времени, прежде чем У Ду испустил очередной вздох.

— Покойный император признал мою ценность, и эта доброта, конечно же, навсегда останется в моем сердце. Я сделаю для вас все возможное. Однако я не уверен, насколько далеко я зайду.

Выражение лица Цай Яня поначалу было довольно холодным, но, услышав эти слова, он вновь засиял улыбкой, словно вздохнув с облегчением.

— У Ду, я не прочь сказать тебе кое-что весьма личное — во всем мире, кроме Улохоу Му и тебя, я не могу вспомнить никого другого, кому бы я мог доверять.

У Ду мягко улыбнулся и кивнул, а затем, поклонившись Цай Яню, отдал честь и сказал:

— Я ухожу.

— Ты еще не выпил третью чашу вина, — снова заговорил Лан Цзюнься.

— Я выпью ее позже. Но сначала я должен вернуть Чжэньшаньхэ Его Высочеству. Иначе я не смогу настолько бесстыдно полагать, что заслужил эту чашу вина.

Он повернулся и ушел, а дверь за ним снова закрылась, оставляя Цай Яня и Лан Цзюнься внутри в тишине, с печатью на столе.

Цай Янь подумывал разбить чашу с вином об пол, но в итоге отказался от этой затеи, чтобы звук его истерики не донесся до У Ду, который еще не ушел далеко, и не показать, что он потерял самообладание.

— Он не может тебе доверять, — наконец произнес Лан Цзюнься. — Люди, верные своим чувствам, часто бывают такими; он может стать безнадежно преданным тебе из-за твоих слов, но также затаить злобу из-за того или иного твоего поступка. Наше решение плыть по течению и пытаться внедрить его в поместье канцлера в качестве шпиона было изначально неверным.

— Любой другой человек понял бы, что к чему. На что я мог надеяться, убив его?

— Не все могут понимать ситуацию так ясно.

Цай Янь беспомощно сказал:

— Я уже все ему объяснил.

— Он понял это логически, но не понял эмоционально.

— Значит, он безнадежно предан мне, или он говорит одно, а думает совсем о другом?

— Такого человека нужно завоевывать сладкими речами.

Цай Янь долго молчал.

— Лан Цзюнься, я еще раз умоляю тебя. Пожалуйста, останься.

— Нет необходимости повторять это снова. Тебе просто нужно чаще уговаривать его, чтобы он тебе доверился. Рано или поздно он посвятит себя тебе. И рано или поздно он займет мое место.

Цай Янь открыл рот, словно хотел сказать что-то еще, но Лан Цзюнься уже заговорил снова:

— Он будет оберегать тебя. К тому же, он ничего не знает. В этой жизни мне нет искупления. Следующую жизнь и даже последующие я проведу в аду, где буду гореть в бушующем огне, пробираться сквозь моря пламени и карабкаться по горам мечей, где меня расчленят и вырвут язык — и так до бесконечности. Мне никогда не будет отпущения грехов.

Лан Цзюнься поднялся.

— Мы едва понимаем жизнь, так как же мы можем знать, что происходит после смерти?*. Ты убил одного человека, но спас целое царство. А еще я поклялся, что никогда не сделаю тебе ничего плохого...

* Это из «Лунь Юй» Конфуция. Перефразируя: мы не понимаем людей, так как же мы можем знать что-то о призраках? Мы едва понимаем жизнь, так как же мы можем знать, что будет после?

Лан Цзюнься поднял голову и встретился взглядом с Цай Янем.

— В моем сердце палач, который зарубит меня на куски... не кто иной, как я сам.

Цай Янь неподвижно глядел на него и долгое время ничего не говорил.

Тем временем Дуань Лин лежал на кровати и ел виноград, небрежно листая книгу с эротическими иллюстрациями.

Он обнаружил, что его очень интересовала эротика. Он не знал, то ли это потому, что окружающая атмосфера разбудила его низменные желания и заставила кровь бурлить, то ли он просто достиг подходящего возраста. Однако мысль о том, чтобы сделать то, что нарисовано

на этих иллюстрациях, вызывала у него непреодолимое чувство стыда. Дуань Лин уже некоторое время перелистывал страницы, и во рту у него пересохло; он держал во рту виноградину, которую не раскусывал, а рассеянно проводил по ней языком.

В комнату вернулся У Ду, и он тут же спрятал книгу. Вытерев слюну в уголке рта и демонстративно поправив одежду, он остался на месте, чтобы сидя поприветствовать У Ду.

— Так быстро вернулся?

У Ду взглянул на Дуань Лина, на мгновение растерявшись от внезапного и странного чувства. Возможно, дело было в контрасте со слишком тяжелой атмосферой вокруг Улохоу Му и наследного принца, поэтому, когда он вернулся к Дуань Лину, все вокруг словно озарилось сиянием.

— Ты в порядке?

Дуань Лин почувствовал, что с его выражением лица было что-то не так.

У Ду покачал головой и повернулся, чтобы сесть на кровать. Он сказал Дуань Лину:

— Давай немного побудем здесь и подождем, пока они уйдут, прежде чем будем выдвигаться.

Дуань Лин чувствовал, что их слова тронули У Ду: его глаза слегка покраснели, как будто он был на грани слез. Дуань Лин некоторое время наблюдал за ним, а затем осторожно протянул руку к его шее и погладил по затылку.

У Ду покачал головой, возвращаясь к настоящему.

Дуань Лин спросил:

— Кто это был?

— Наследный принц.

В голове Дуань Лина раздался раскат грома: эта мысль поразила его, словно молния, и в сознании пронеслось бесчисленное множество сложных эмоций.

— Наследный принц находится в соседнем зале?

У Ду кратко повторил сказанное ранее, но ничего из этого до Дуань Лина сейчас не доходило: мириады идей возникали одна за другой, но тут же рассыпались и рушились. Его мысли

блуждали целую вечность, прежде чем он повернулся и посмотрел на У Ду.

Теперь настал черед У Ду удивляться, и он спросил его:

— Что такое?

Дуань Лин покачал головой.

Он спросил снова:

— Ты пил алкоголь?

Нахмурившись, У Ду наклонился и принюхался к дыханию Дуань Лина, но никакого запаха алкоголя не почувствовал. Тем временем Дуань Лин думал о «наследном принце». Зачем он хотел видеть У Ду? На самом деле У Ду уже все ему рассказал, просто на мгновение Дуань Лин его не слышал.

Движение приближающегося У Ду вернуло его в себя, и их лица оказались очень близко друг к другу; Дуань Лин сразу же покраснел, а У Ду почувствовал себя немного неловко, поэтому, не задумываясь, протянул руку и погладил его лицо.

— Эй.

И этот жест был еще более игривым — хотя У Ду уже давал Дуань Лину оплеухи, и сейчас он не имел в виду ничего подобного, они оба почему-то почувствовали себя неловко. Дуань Лин занервничал. У Ду услышал смех девушек, провожающих гостей вниз по лестнице, и, предположив, что люди, с которыми он встречался, уже ушли, обратился к Дуань Лину.

— Давай тоже уйдем.

Тот кивнул и встал вместе с ним, но как только они вышли, то увидели, что дверь в комнату "Небо" напротив отворилась, и из нее вышли Цай Янь и Лан Цзюнься.

Дуань Лин в этот момент был совершенно потрясен: такими темпами они столкнутся на лестнице, и спрятаться будет негде. Одним коротким взглядом Цай Янь заметил У Ду и увидел, что за ним стоял молодой человек.

— Почему они все еще здесь? — У Ду не ожидал этого и сказал Дуань Лину. — Пойдем здороваемся.

Этот казус произошел слишком быстро, так быстро, что у Дуань Лина почти не осталось

времени все обдумать. Он тут же сделал то, что вызвало у У Ду не меньший шок.

Дуань Лин обхватил шею У Ду и встал на цыпочки, заставляя его опустить голову. В мгновение щеки У Ду стали пунцовыми, а руки неловко сжались в кулаки.

— Нельзя, чтобы они узнали, — тихо сказал Дуань Лин рядом с его ухом.

Он накрыл лицо У Ду рукой, словно собираясь поцеловать его. Тот еще не все обдумал, но все равно подчинился и толкнул Дуань Лина к стене.

— Если они узнают, что ты с кем-то из канцлерского поместья, — Дуань Лин прижался носом к носу У Ду, и между его бровей пролегла легкая складка, — они заподозрят, что ты на них доносишь...

Таким образом, все будет выглядеть так, будто У Ду перед самым уходом интимно прощается с мужчиной-проституткой из борделя, как будто они единственные люди в зале.

— Понятно.

У Ду пристально посмотрел в глаза Дуань Лину и неожиданно произнес:

— Осторожно, не принимай это всерьез. Ты же не будешь...

Их дыхания переплелись, и только сейчас Дуань Лин осознал, что его реакция была довольно странной. Он никогда не чувствовал себя так неловко, но и отстраниться от У Ду не смел: их глаза встретились, и оба смотрели друг другу в лицо. Сердце Дуань Лина бешено колотилось, взгляд блуждал, но вскоре вернулся к глазам У Ду. Он только сейчас заметил, что у этого парня был очень красивый нос. Раньше он не обращал на это внимания, но теперь ему казалось, что у У Ду такое лицо, которое становится тем красивее, чем больше на него смотришь.

— Ты можешь... сказать что-нибудь?

Дуань Лин был слишком смущен.

— Если бы ты был женщиной... После того, как я так прижался к тебе, у меня бы не осталось другого выбора, кроме как жениться на тебе.

— У тебя есть девушка, которая тебе нравится?

Дуань Лин, не подумав, произнес это, пытаясь сменить тему, но, как только слова вылетели из

его уст, они прозвучали как признание, делая атмосферу еще более неловкой.

— Раньше. Но не сейчас. Я расскажу тебе, когда у нас будет время.

Они отстранились друг от друга только тогда, когда услышали шаги, удаляющиеся по лестнице. Опасаясь, что они могут поднять голову и увидеть его, Дуань Лин быстро вернулся в комнату.

— Они ушли? — спросил Дуань Лин из-за двери.

У Ду ничего не ответил.

— У Ду?

У Ду наконец-то пришел в себя. В тот момент его разум помутился.

— Они ушли, — ответил У Ду. — Мы подождем еще немного.

Они еще немного подождали, и У Ду сказал:

— Пошли.

Дуань Лин вышел из комнаты, и они вдвоем спустились по лестнице. У него голова шла кругом. У Ду добавил:

— Ты по-настоящему расчетливый человек.

— Жить очень утомительно, когда все время приходится что-то рассчитывать, — вздохнул Дуань Лин.

— Ты можешь полностью сдать меня, как только мы вернемся. Канцлер даже может подарить тебе огромную резиденцию.

Дуань Лин с абсолютно спокойным лицом произнес:

— Что ты говорил раньше? После того как ты сказал «наследный принц», я был так потрясен, что ничего не расслышал. Можешь повторить все еще раз? Я обязательно запишу все в деталях, чтобы завтра лучше донести на тебя.

У Ду усмехнулся, и вдвоем они покинули Цветочный павильон.

Внутри кареты Цай Янь открыл занавеску и обратился к Лан Цзюнься, сидящему на месте кучера:

— Тот, кто уехал раньше нас и У Ду, был из поместья канцлера?

— Я не разглядел. Карета уже уехала, но, судя по тому, как я ее мельком видел, она имела некоторое сходство с каретой канцлера.

— Их привез У Ду? — Цай Янь недовольно нахмурился.

Лан Цзюнься остановил карету, на мгновение задумался и сказал:

— Вряд ли. Но я опасаясь, что за ним могли следить... Впрочем, даже если бы за ним следили, они бы не стали использовать служебную карету.

На улице становилось все тише; рынки закрывались, и толпа рассеивалась. Оставшиеся торговцы собирали свои товары, а У Ду и Дуань Лин бок о бок шли среди них.

— А что, если наследный принц хочет завербовать меня?

У Ду звучал озабоченно.

— Ему приглянулись способности твоего господина У.

— Овладение литературным и боевым мастерством — дело на благо императорской семьи. Так и должно быть, но что ты собираешься делать со своим положением в поместье Му?

У Ду на мгновение задумался и покачал головой. Скорее всего, фальшивому наследному принцу все еще нужна была правая рука, и если его вернул Лан Цзюнься, то рано или поздно ему придется избавиться от человека, который знал все его секреты. Ведь если он устранил Лан Цзюнься, ему больше не о чем будет беспокоиться.

Однако Лан Цзюнься было не так-то просто убить, и наследному принцу был нужен человек, чья верность будет принадлежать только ему. У Ду был единственным, кто для этого подходил.

— Поначалу это не должно привести к конфликту с Великим канцлером. Но будет ли так и дальше, зависит от удачи.

— Как я понимаю, — сказал Дуань Лин, — на моем месте я бы, возможно, и принял предложение, но ни одной из сторон не позволил бы собой командовать. Как бы это сказать? Когда дело дойдет до этого, ты должен найти свой собственный...

Они продолжали идти, сворачивая на маленькую улочку, ведущую к поместью канцлера.

Дуань Лин на полпути к концу предложения резко замолк.

У Ду слегка нахмурил брови и, проследив за его взглядом, зашел в переулок.

— Лан Цзюнься.

Дуань Лину больше негде было спрятаться, на стене висел фонарь, отбрасывающий свет на его лицо.

Лан Цзюнься смотрел на Дуань Лина очень непростым взглядом, но тот был уже слишком обеспокоен, чтобы вникать в его эмоции.

Они стояли лицом к лицу, как каменные статуи, и казалось, что это будет длиться миллион лет, но в то же время кратчайшее мгновение.

— В чем дело? — У Ду нарушил молчание.

— Я видел карету из поместья канцлера, — сказал Лан Цзюнься. — Я не разглядел, но кто-то из резиденции наверняка там был. Его Высочество попросил меня вернуться и довести это до твоего сведения. Если завтра кто-то спросит тебя об этом, не нужно скрывать встречу. Просто расскажи им, что именно произошло.

— Я понял, — произнес У Ду.

Лан Цзюнься внимательно смотрел на Дуань Лина, словно хотел что-то сказать, но в итоге удержал язык за зубами. У Ду кивнул ему, и карета перед ними покатила прочь, постепенно отдаляясь.

— Он все равно тебя видел, — сказал У Ду.

— Нет времени лучше настоящего, — ответил Дуань Лин*.

* В тексте приведена только половина цитаты, но полная оригинальная цитата гласит: «Лучше день, предоставленный воле случая, чем благоприятный день по альманаху; лучше сегодня, чем день, предоставленный воле случая», то есть нет дня, подобного сегодняшнему, или нет

времени, лучше настоящего.

Этот день наконец наступил, и наступил так быстро, что застал его врасплох; Дуань Лин еще далеко не был готов, но все уже было начертано на звездах. Он больше не боялся.

Это ты должен бояться. Просто жди. Пока я не умру, тебе не будет покоя.

В небе раздавались раскаты грома, и безо всякого предупреждения начался проливной дождь. Дуань Лин и У Ду, основательно промокшие, бежали домой, как пара утопших кур, и их одежда была мокрой от того, что они наступали в лужи на протяжении всего обратного пути. У Ду несколько раз отзывался, а Дуань Лин кричал в ответ:

— Что ты сказал?!

Чтобы Дуань Лин не испачкал свою новую одежду, У Ду быстро подхватил его с земли и бросился в дом.

Зажглись фонари, и их сияние наполнило комнату теплом. Когда Дуань Лин смотрел на бушующий за окном ливень, ему казалось, что он вернулся в защищенный, окруженный стеной и рвом город. Здесь жили только У Ду и он сам, но пока он был здесь, никто не мог причинить ему вреда.

Лан Цзюнься знал, что он жив, но не хотел, чтобы этот факт стал достоянием гласности. Иначе и его, и этого подставного наследного принца, которого он собственноручно протолкнул на место наследника, ждала ужасная и мучительная смерть. По законам Великой Чэнь, самое меньшее, к чему они будут приговорены, — это смерть от трех тысяч порезов*.

* Дословный перевод наказания 三三 — «томительная смерть», часто переводится как «смерть от тысячи порезов», но согласно историческим текстам, в зависимости от династии, могло быть от ста порезов за 20 минут до трех дней и 3600 порезов. В художественной литературе писатели почти всегда выбирают версию о 3 600 порезах.

Единственное, что мог сделать Лан Цзюнься, — это тайно убить его, но никто не может нагло прийти в поместье канцлера, чтобы совершить убийство. Дуань Лину потребовалось столько времени, чтобы понять, что мастерство его отца в боевых искусствах не имело себе равных, и об этом можно было судить только по той ночи, когда он в одиночку спас Бату и Джучи; как он проник в хорошо охраняемый особняк и сбежал из него, как будто его вообще никто не охранял.

На такое Лан Цзюнься не был способен. К тому же он не так часто мог покидать дворец. Но с этого момента он должен был быть уверенным, что всегда будет рядом с У Ду и никогда его не

покинет.

Лан Цзюнься не будет относиться к этой попытке легкомысленно. В противном случае, как только он встревожит Му Куанду, последствия такого поступка приведут только к большим неприятностям — что может заставить личного телохранителя наследного принца явиться и убить безмянного парня без всякой видимой причины? Должно быть, что-то большее. Если он вызовет подозрения у Му Куанды, это приведет к плачевным последствиям.

Дуань Лин не должен был допустить, чтобы кто-то узнал. Ведь он пока не знал, друг или враг Му Куанда. Судя по текущему положению дел, он скорее был врагом, а не другом.

Иногда ему казалось досадным и одновременно смешным, что именно таким образом ему удалось обрести некое подобие душевного равновесия. Как будто они оба шли по натянутым тросам над бездонной пропастью, и любой неверный шаг неизбежно мог привести к гибели.

Он не мог не посмотреть на У Ду, думая о том, как найти способ оставаться рядом с ним каждую минуту и не разлучаться.

Как только они вернулись, У Ду быстро переоделся в сухие штаны, оставив неприкрытыми мускулистую спину и плечи, и теперь по очереди открывал каждый ящик, чтобы приготовить горячий лечебный напиток для профилактики простуды. Он бросил в кастрюлю несколько ломтиков сушеного имбиря, добавил немного коричневого сахара, а в ходе поисков ему даже удалось найти немного сладкого османтуса. Дуань Лин пристально наблюдал за ним, а когда он обернулся, их взгляды встретились, и это заставило У Ду почувствовать себя немного неловко.

— На что ты смотришь? Ты откровенно подглядываешь.

Выражение лица Дуань Лина, услышавшего это, стало совсем другим; до того, как У Ду сказал это, он не думал ни о чем подобном, но теперь, когда тот заговорил об этом, он действительно нашел телосложение У Ду довольно приятным на вид, плотным и мускулистым, как у пантеры.

— Если кто-то захочет меня убить... — произнес Дуань Лин.

У Ду посмотрел на него так, словно только что услышал нечто совершенно фантастическое. Он положил крышку на кастрюлю и подошел к Дуань Лину, чтобы потрогать его лоб тыльной стороной ладони. Тот оттолкнул его.

— У меня есть подозрение, что этот человек хочет меня убить. Ты заметил, как он тогда смотрел на меня? В конце концов, сегодня я... я узнал слишком много.

— Ну, конечно. У Улохоу Му есть дела поважнее, чем пытаться что-то с тобой сделать, — нетерпеливо произнес У Ду. — Он не посмеет со мной связываться.

Дуань Лин спросил:

— А что, если?

У Ду рассматривал его с причудливым выражением лица.

— Никаких «а что, если». Даже если он захочет убить тебя, чтобы ты не узнал о том, что они сказали, я смогу заметить, если он сделает хотя бы один шаг в этот двор. И кроме того, он уже видел тебя со мной, естественно, он решит, что ты мой. Зачем ему пытаться убить тебя?

— Но на улице идет такой сильный дождь, что он скрывает звук шагов.

— Ты уже закончил? — недоверчиво сказал У Ду.

Дуань Лин только и мог, что замолчать. У Ду посчитал, что тот сегодня просто не в себе, и, когда имбирный чай был готов, велел ему уже пить его и ложиться спать, как только он закончит, чтобы не болтать без умолку.

Дуань Лин спросил:

— Можно я буду спать с тобой?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что буду спать в уголке под твоей кроватью.

— Осторожнее, я могу затоптать тебя до смерти, когда встану попить воды посреди ночи.

Дуань Лин только и мог, что промолчать.

Выпив имбирный чай, У Ду отставил чашку в сторону и, заметив, что Дуань Лин переложил свою подстилку к кровати, озадаченно посмотрел на него.

— Что ты задумал?

Тот был почти вынужден рассказать У Ду правду прямо сейчас, но боялся, что он ему не поверит. А если и поверит, то выдаст его или нет — это уже другая проблема, хотя он и считал, что У Ду не поверит.

Конечно, когда-то он думал, что и Лан Цзюнься не предаст его.

— Я боюсь, что он влезет через окно и убьет меня.

Дуань Лин показал на окно в углу.

У Ду не отрываясь смотрел на него, а затем сказал:

— Улохоу Му, Чжэн Янь, Чан Люцзюнь — никто из них не посмеет ворваться в мою комнату без моего разрешения. Если хоть один из них сделает хоть шаг в эту спальню и хотя бы прикоснется к тебе, я немедленно вручу свою голову.

Дуань Лин посмотрел в глаза У Ду и сказал:

— Но ты же скоро уснешь.

У Ду нетерпеливо ответил:

— Я собираюсь спать! Это не значит, что я умру!

Дуань Лин просто уставился на него.

У Ду нашел его совершенно непостижимым. С тех пор как они вышли из номера в «Цветочном павильоне», он заметил, что Дуань Лин был не в себе, и после короткого периода нормальной жизни его снова охватила паранойя, он боялся, что кто-то хотел его убить.

— Ты чувствуешь, что происходит вокруг тебя, когда ты спишь? — спросил Дуань Лин.

У Ду взглянул прямо на него и спросил:

— Почему бы мне не приготовить тебе отвар для успокоения души? Ты что, с ума сошел?

Дуань Лин сразу же отбросил эту идею и лег, а У Ду щелкнул пальцем в сторону лампы, посылая в нее порыв ветра, чтобы погасить свет. Несмотря на то, что ему не хотелось беспокоить Дуань Лина, он не заставил его убрать постельное белье, которое тот переложил рядом с его кроватью, и лег спать, оставив все как есть.

Дуань Лин некоторое время лежал в своей постели. Он слышал ровное дыхание У Ду и погружался в глубокий сон.

Снаружи шум стихии постепенно стихал.

Неужели У Ду действительно чувствует, что происходит вокруг него? Дуань Лин осторожно встал, и когда он никак не отреагировал на это, внезапно устремил руку к шее У Ду. Но тот оказался еще быстрее, чем он, и во сне блокировал атаку одной рукой. В то время как левая рука остановила удар, правая прошла сквозь него, обхватывая горло Дуань Лина.

Он потерял дар речи.

— Ты рехнулся?! — сердито произнес У Ду.

— Ладно, ладно, ладно, — поспешно сказал Дуань Лин, — я ложусь спать.

У Ду перевернулся, поднялся и усадил Дуань Лина на свою кровать. Он озадаченно спросил:

— Что это с тобой сегодня?

— Просто мне кажется, что сегодня я услышал слишком много того, чего не должен был слышать... Я боюсь, что меня убьет... тот парень по имени У... что-то там.

— Невозможно.

У Ду был просто в бешенстве, он снова и снова повторял Дуань Лину, что это исключено.

Тот кивал, но по его серьезному выражению У Ду осознал, что Дуань Лин действительно волнуется. Как ни старайся, У Ду понимал, что ему не удастся развеять его сомнения. Немного подумав, он прибег к другому подходу и больше не подчеркивал, что Улохоу Му не стал бы его убивать. Вместо этого он спросил Дуань Лина:

— Ты доверяешь моим боевым навыкам?

Тот ответил:

— Да.

У Ду на мгновение задумался, а затем добавил:

— Разве ты раньше боялся умереть? Когда ты стал так дорожить жизнью?

Теперь Дуань Лин тоже нашел это немного странным. Разве он боялся умереть? Почему же теперь он был так напуган?

— Я не боялся умереть.

Дуань Лин задумался, а затем искренне сказал У Ду:

— Это было потому, что я считал себя одиноким в этом мире. А теперь я боюсь умереть, потому что... да, я чувствую, что в моей жизни еще есть к чему готовиться.

— К чему готовиться?

Дуань Лин уставился на У Ду, и ему вдруг показалось, что все это довольно забавно. Он отвернулся и, улегшись на пол рядом с его кроватью, уснул.

У Ду затих и наклонил шею, чтобы взглянуть на Дуань Лина. Тот свернулся калачиком на полу и больше не пытался завязать разговор.

— Эй, — произнес У Ду.

— Хм?

У Ду тоже не продолжил разговор. Он испустил долгий вздох и лег обратно на кровать. Между ними воцарилась тишина. Прошло много времени, и пока мысли Дуань Лина все еще блуждали, У Ду опустил руку с кровати и щелкнул пальцами чистым, хрустящим звуком перед лицом Дуань Лина.

— Помни об этом, — сказал У Ду, — именно я спас тебе жизнь. И кроме меня никто не сможет ее отнять.

Улыбка задержалась в уголках губ Дуань Лина, и, как ни странно, он мгновенно уснул.

Сегодня ночью завывал сильный ветер, а ливень бушевал не переставая. Словно выловленный из воды, Лан Цзюнься брел по галереям Восточного дворца*, возвращаясь в свои покои, чтобы переодеться. Он развязал буддийские молитвенные четки, обернутые вокруг его запястья, и посмотрел вниз на пятна крови на них.

* Восточный дворец — слово, которое иногда означает место, а иногда просто иной способ указать на наследного принца. Оно распространилось и на другие императорские семьи Восточной Азии. Японскую резиденцию наследного принца также называют восточным дворцом.

— Господин Улохоу Му, Его Высочество желает видеть вас, — тихо произнесла служанка.

— Он еще не ложился спать? — спросил Лан Цзюнься.

Служанка повела его вперед, освещая дорогу фонарем. Снаружи бесконечно гремел гром.

Цай Янь сидел у изголовья кровати, не снимая одежды, и, когда в комнату зашел Лан Цзюнься, обратил на него свой взор.

— Почему тебя так долго не было? — спросил Цай Янь.

Лан Цзюнься на мгновение задумался.

— Я предавался воспоминаниям и поэтому некоторое время любовался дождем.

Цай Янь спросил:

— Что ты ему сказал?

— Я сказал именно то, о чем ты меня просил.

Держа в руках нитку молитвенных бус, Лан Цзюнься выглядел немного обеспокоенным.

Цай Янь понимал, что сегодня вечером он не совсем в себе, и нахмурился.

— В чем дело?

Лан Цзюнься вопросительно поднял бровь и посмотрел на Цай Яня.

Цай Янь спросил:

— Ты видел Му Куанду?

— Нет. По дороге я видел только У Ду.

Цай Янь кивнул и больше ничего не спрашивал. На столе лежал меморандум о переносе столицы, на котором красными чернилами была выведена его поправка.

— Как только переезд будет одобрен, ты уедешь, — сказал Цай Янь.

Крутя пальцами молитвенные четки, Лан Цзюнься провел бусиной по костяшке.

— Я вдруг понял, что здесь еще не все улажено. Поэтому я пока не буду уезжать.

Цай Янь очень удивился, услышав такой ответ. Наконец-то борозда между его бровями стала немного уже, а на щеки вернулся живой цвет. Он кивнул и произнес:

— Это хорошо... Это очень хорошо.

— Уже поздно. Поспите немного, Ваше Высочество.

После этих слов он не поклонился, а просто развернулся, чтобы уйти. Цай Янь все еще бормотал про себя:

— Отлично. Неужели он останется.

<http://bllate.org/book/15657/1400647>